

Несмотря на тихие шаги, женщина, дремавшая у кровати, сразу же проснулась, открыла покрасневшие глаза и посмотрела на него.

— Сяожуй, это ты, — слабо улыбнулась Вэй Цин. — Уже с занятий?

Фэн Жуй тихо сел на стул у кровати и кивнул:

— Да, с занятий.

Он взглянул на капельницу у кровати, по которой медленно текли питательные растворы, необходимые для поддержания жизни пациента.

— Тебе не нужно приходить каждый день, — вздохнула Вэй Цин. — Я знаю, что вы с ним близки, но здесь есть мы, взрослые, которые заботятся о нем. У тебя учеба, ты ведь уже в выпускном классе.

Фэн Жуй спокойно ответил:

— Ничего страшного, с учебой я справляюсь легко. Даже когда не особо старался, все получалось.

Вэй Цин с трудом улыбнулась:

— Да, Сяожуй, ты умный. Говорят, раньше в школе Минцюань тоже хорошо учился?

Фэн Жуй кивнул, его черные глаза были глубоки, как бездонный колодец:

— Я уступал ему. Я часто был вторым, а он всегда первым.

Вэй Цин ахнула, и на глазах у нее блеснули слезы:

— Правда? Я знала, что он хорошо учится, но не думала, что настолько.

Она посмотрела на Цю Минцюаня, лежащего на кровати, и сердце ее сжалось от боли: его одноклассники уже начали последний год подготовки к экзаменам, а когда же он проснется?

Фэн Жуй, глядя на ее профиль, догадался, о чем она думает, и тихо сказал:

— Тетя Вэй, не переживайте, он обязательно проснется. Когда это случится, я помогу ему наверстать упущенное.

Вэй Цин задумчиво кивнула: иногда, когда она обтирала тело Минцюаня, она видела ту подвеску. Каждый раз она мысленно благодарила Фэн Жуя за его доброту. Это была его сокровищница с детства, но сейчас он отдал ее Минцюаню, чтобы тот носил ее, наверное, для защиты и благословения.

— Сяожуй, я все еще не поблагодарила тебя, ты такой заботливый...

В этот момент в палату вошла медсестра Сяо Ян:

— Кто здесь родственник? Нужно доплатить за госпитализацию пациента, пусть кто-то подойдет.

Она знала, что пациент в этой палате был важной персоной — даже директор больницы лично

навещал его, поэтому говорила вежливо:

— Если сейчас нет денег, можно завтра.

Вэй Цин встала и торопливо сказала:

— Есть, есть, я его мать. Сколько нужно?

— Сначала 3 000 юаней, если не хватит, потом доплатите.

Вэй Цин поспешно взяла сумку:

— Сяожуй, присмотри за ним, я скоро вернусь.

Фэн Жуй кивнул, наблюдая, как она выходит, и слегка нахмурился.

Тетя Вэй только что сказала, что она мать Цю Минцюаня? Возможно, так было удобнее для оплаты, ведь не стоило заставлять пожилых родителей снова тратить деньги.

Но ее ответ прозвучал слишком естественно и уверенно.

В палате было тихо. Он снова сел, наклонился вперед и приблизился к кровати.

Много дней подряд палата была словно карусель — всегда кто-то был рядом.

Родители Цю, супруги Сян и Сян Чэн, его собственные родители, Лю Дунфэн и его семья, соседи, одноклассники Цю Минцюаня. Каждый раз, когда он приходил, он мог лишь издали наблюдать, не имея возможности подойти ближе.

Но сегодня, оказавшись так близко, он наконец смог рассмотреть человека на кровати.

Много дней непрерывных капельниц оставили на руке Цю Минцюаня синяки и следы от игл. Его лицо, когда-то гладкое, как нефрит, сильно похудело. Несколько неглубоких царапин стали бледнее, чем раньше, но все же его черты оставались изящными.

Ближе к вечеру, солнечный свет заката проникал через окно, освещая профиль Цю Минцюаня.

С этого ракурса его слегка обнаженная шея и ключицы казались особенно худыми, а под больничной одеждой угадывался изящный изгиб.

— Цю Минцюань... сколько ты еще будешь спать? — Фэн Жуй пристально смотрел на него, его голос был хриплым, а глубокий взгляд не отрывался от человека на кровати. — Не заставляй меня презирать тебя.

— Врачи говорят, что никто не сможет тебе помочь, ты должен сам справиться, — он наклонился и вдруг протянул руку, схватив лежащую на краю кровати руку.

Палец, сломанный, когда его топтал человек со шрамом, уже освободился от фиксирующей повязки. К счастью, перелом не был осколочным, и после лечения и медленного восстановления он почти зажил.

Фэн Жуй опустил голову, слегка поглаживая кончик пальца, выглядывающий из-под повязки.

Когда их руки соприкоснулись, между ними возникла слабая теплота. Неизвестно, кто передал

ее кому, но Фэн Жуй на мгновение почувствовал, будто через это соединение пальцев ощутил слабое сердцебиение другого.

— Цю Минцюань! Ты чувствуешь меня, правда?! — он резко поднял голову, его покрасневшие глаза наполнились влагой. — Ты не можешь говорить, не можешь двигаться, но ты знаешь, что мы здесь, правда?

Ответа не последовало. На холодных приборах не было даже малейших изменений.

Фэн Жуй уставился на спокойное, безответное лицо Цю Минцюаня, и вдруг, словно разъяренный львенок, сжал его неповрежденные пальцы так сильно, что суставы побелели.

— Ты ведь такой сильный! Умеешь обманывать, сдавать экзамены на высшие баллы, играть на бирже, и даже осмелился выйти против тех ублюдков! Почему теперь ты такой слабак?! — Фэн Жуй прошептал с яростью. — Ты что, собираешься так лежать до конца жизни?!

Он опустил голову, и его голос стал тише, с хрипотцой:

— Слушай, Цю Минцюань — я даю тебе последний шанс. Если не проснешься, я постараюсь забыть тебя.

Капли слез упали на белую простыню, оставляя темные пятна. Высокий, статный юноша словно злился на самого себя:

— Ты обещал мне, что после выпуска мы поедем на юг. Ты забыл? Ты действительно готов стать беспомощным и смириться с этим?!

В палате было тихо, как в могиле. Вэй Цин, стоявшая у двери, молча наблюдала за юношей у кровати и незаметно вытерла слезы.

Она подошла и с сочувствием положила руку на плечо Фэн Жюя:

— Сяожуй.

Тело Фэн Жюя вздрогнуло.

Вэй Цин, сдерживая печаль, мягко сказала:

— Минцюань не хотел бы видеть своих друзей такими несчастными, ты...

Фэн Жуй медленно поднял голову, но не посмотрел на нее, словно загипнотизированный, его глаза, полные красных прожилок, пристально смотрели на свою руку!

Вэй Цин наконец заметила его странное поведение и взглянула вниз, увидев, как руки двух юношей крепко сжаты.

Рука Фэн Жюя дрожала.

Он словно был потрясен и напуган:

— Тетя Вэй... Цю Минцюань, он, кажется, пошевелился!

Вэй Цин широко раскрыла глаза:

— Где?!

— Его... его палец, он сжал мою ладонь! — Фэн Жуй резко разжал руку, не отрывая взгляда от бледной руки Цю Минцюаня.

Оба уставились на нее, не моргая.

Но даже когда их глаза начали болеть от напряжения, они не увидели никакого движения.

Когда их уже начало охватывать разочарование, внезапно раздался очень слабый звук.

— Привет...

Фэн Жуй и Вэй Цин в замешательстве подняли головы, глядя на красивое, изящное лицо перед ними и уже открытые глаза.

В них читались извинение, облегчение и нежность после пережитого.

Глаза, слегка приоткрытые, не были полны сил, они выглядели уставшими после болезни. Но в свете закатного солнца зрачки казались усыпанными золотыми песчинками, переливающимися и сияющими.

Увидев шокированные лица Фэн Жуй и Вэй Цин, он слегка пошевелил шеей, с трудом поднял голову и произнес:

— Я... проснулся.

Вэй Цин прикрыла рот рукой, и слезы хлынули потоком. Она хотела подойти ближе, но не решалась, застыв у кровати, словно оцепенев.

Фэн Жуй также стоял в оцепенении, дрожа, он крепко сжал руку Цю Минцюаня:

— Ты!..

На этот раз он получил ответ.

Цю Минцюань слегка сжал руку, нарисовал круг на ладони Фэн Жуй, а затем легонько ткнул в сторону.

Фэн Жуй смотрел на него, слегка озадаченный: Q?

Увидев мягкую улыбку, появившуюся в уголках губ Цю Минцюаня, он вдруг понял и мгновенно покраснел.

В том грузовике, полном гниющей свинины, он спрятался сзади и написал букву «F» на ладони Цю Минцюаня, чтобы дать понять своему товарищу, оказавшемуся в беде, что он здесь.